

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157

Финты приспособленчества

Я с полной уверенностью называю Ткаченко хитроном. Прогнавший в ночь мою жену Татьяну Петровну, он не столько взвился из-за ее искренних похвал его жене Лиле, сколько потому, чтобы не общаться со мной, разгромленным за роман «Юность в Железнодорожье» всевластными инстанциями.

Такие финты приспособленчества были обыкновенны в нашей среде. В разговоре со мной Феликс Кузнецов – он возглавлял объединение московских критиков – извинительно оправдывался: он бы и объединение московских критиков выступили бы в мою защиту, если бы «Литературку» не поддержала реплика «Правда», а против головного органа печати КПСС выступления запрещены.

Я не стал Феликса совестить собственным примером. Выступая в «Литературке» со статьей «Материк рабочей темы» раньше критики в адрес «Юности в Железнодорожье», я написал страницу в защиту новомирских знаменитых произведений: романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым...», повестей Бориса Можая и Виталия Семина: «Жизнь Федора Кузькина» и «Семеро под одной крышей». Заместитель главного редактора «Литературки» Евгений Кривицкий сократил эту страницу: произведения осуждены партийной печатью, следовательно, не подлежат оправданию. Я заартачился и отстоял фрагмент, где осталось уважение сим совестливым, многоталанливым вещам. Надо отдать должное Феликсу Кузнецову: едва роман «Юность в Железнодорожье», изуродованный множеством дополнительных изъятий, вышел в «Советском писателе» (благодарение Карповой Валентине Михайловне, старшему редактору Жукову Анатолию Николаевичу!), он, Кузнецов и Федор Чапчатов, критик, член редколлегии «Литературки» – им предложили выступить с намеком разбомбить роман – ослушался и дал ему хотя и сдержанную, однако положительную оценку.

Так вот, Анатолий Ткаченко решил отбиться от разгромленного, потерявшего официальный иммунитет прозаика и руководителя Калужского отделения СП РСФСР Николая Воронова. Спасая собственную шкуру, на что только не шли отдельные советские письменники и организации. Вполне допускаю, что Виктор Астафьев, выдавший «Литгазете» и «Литературной России» письмо гигантского раздолба за попытку уничтожения «Юности в Железнодорожье», покаялся кому-то, что из-за названных расшибательных эпистол эти еженедельники прекратили его и о нем печатать, а это докатилось до Ткачки, вот он и сориентировался: уж коль прославленный Виктор Астафьев, смельчак из смельчаков, расчетливо заробел, то ему, безвестному Ткачке, едва проглянувшему скандально, сам Люцифер велит спасать незадачливую судьбушку.

Завистливый Касьян

Мы редко с Ткачкой созванивались: как он, так и я спервоначалу чуяли взаимное нерасположение, и оно усугубилось моей скандальной публикацией в знаменитом «Новом мире», где редакторствовал поэт планетарного величия Александр Твардовский. Завидующему тяжело сокрушать досаду, опутанную испепеляющей истинностью. До чего точен Владимир Даль: «Николу благому помощнику два праздника в году, Касьяну (Анатолию) завистливому – один в четыре года (cassus, латин. – пустой, порожний, бесплодный).

Раньше, наезжая из Перми в Москву, Виктор Астафьев заруливал ко мне в Калугу. То, что я попал в нети и нахожусь под слезкой, хотя я ответственный секретарь областной писательской организации, прервало его посещения,

Виктор Астафьев – классик советской литературы

раньше овеваемые не просто дружбой, а чувством братства. Узнав в столице, что он живет в гостинице «Москва», я, естественно, стремился встретиться с ним: звоню ему в апартаменты, в которых обязательно кто-то находится из застольников.

Замешательство – и не подзывают Виктора Петровича. Стучу в номер, за дверью, закрытой изнутри, спрашивают: «Кто?» Называюсь, шепоток, глухота и ответ: «Виктор Петрович неизвестно где закружился» – или: «Он в скитаниях по делам». Уклончивость Астафьева, нет, не ущемляла меня: обидела до глубины души, затронула внутреннюю спасительность – честь. Без экивок и утайки я написал Виктору о своих удивлении, возмущении, оскорбительности. Он ответил, будто бы со мной невозможно общаться из-за заносчивости Татьяны Петровны и что я перестал видеть что-либо, кроме собственных осложнений. Бурное, взбалтывание послание мое остановило нашу переписку с Виктором.

До этого я слышал, что настраивает Астафьева против меня Михаил Кузькин, взявший уже на калужской земле псевдоним Воронежский (форма явного подхалимажа). Чтобы Кузькин не отомстил мне за то, что я вытаскил его и его семейство из ничтожной комнатенки в Ферзиковке в трехкомнатную квартиру в Медыни, куда он был назначен редактором районной газеты! Все это я сделал ради троих его детей и супруги через второго секретаря обкома КПСС Николая Николаевича Гусева, деятеля грандиозной добропорядочности, невероятно трудолюбива, исключительного развития.

Всепрощенческие попытки

Когда вчитываешься в фальсификацию такого сумасшедше крутого замеса, которую не повернуть, как смолу в котле, выгнанную из угла и загустевшую, начинаешь думать о паранойе автора, но потом спохватываешься, что ты непроизвольно, по жалости, смягчаешь себя к его злокозности. Так я было подумывал, двигаясь по страницам А. С. Т., насквозь живым, касающимся меня, кое-кого из обвинцев, калужан, москвичей...

Однако, склоняясь к отказу ему в параноичности, поражаешься его неконтролируемой заикливости на себя и на те обстоятельства, кои возникали в Обнинске. Моментами возникали попустительские сочувствия заслонить его ложь беспамьяством. Но эти всепрощенческие попытки отменялись: уж больно выпучивались из приводимых фактов подтасовка и неправда.

«Заметно пройдя своими «рабочими» рассказами» (в одном из которых его герои восторженно размышляет о Никите Сергеевиче Хрущеве, плывущем на белом лайнере в Америку – логово загнывающего капитализма), Воронов так и не слез с этой выгодной темы, хотя и пытался писать о чем-либо «не рабочем», но всякий раз из-под его пера выходило нечто петое-перепетое.

Для утрировки, не просто утрировки, а уничтожительной, Ткаченко называет мои рассказы о рабочих «рабочими». То именно, что он берет слово «рабочими» в кавычки – намеренно уничтожительно. Мою многозначность он пытается свести к однозначности. В первом опубликованном мной рассказе «Обида» есть столяр-краснодеревщик, есть министерский чиновник, его жена, их сынишка, археолог.

Рассказ «Кассирша», широко прозвучавший по стране в многотиражном «Огоньке», посвящая бухгалтерским служащим, хотя события в нем происходят на крупном гидростроительстве. В нем, конечно, есть рабочие и техники. В рассказах того периода: «Кормилец», «Гудки паровозов», «Непогодь», «Ожидание», «Сосед», «Пеструшка», «Чибис», «Голубой снег», «Нейтральные люди», «Золотая отметина» – изображаются, кроме металлургов, железнодорожников, учителя, врач, колхозники, военные, домашние хозяйки, школьники, детдомовцы, художник, секретарь райкома партии... Мое стремление рисовать рабочих он сводит, оскорбительно, к оценке, что и дальше в своем творчестве «Воронов так и не слез с этой выгодной темы, хотя и пытался писать о чем-либо «не рабочем»... Никакой выгоды в этом я не преследовал, да и в моих чувствах и сознании, когда трудился над образами из среды рабочего класса, не существовало понятия этой темы.

«Я был кровным рабочим»

У меня была естественная потребность писать рабочих, их среду и дело. Тогда, публикуясь (меня охотно печатали, невзирая на неустанную цензурную ловлю и преследование), я осмысленно уклонялся от показа руководящего корпуса, чем было занято большинство прозаиков. Но главное-то, наиглавное: я сам был кровным, истинным рабочим. Из станицы Кизил мама перевезла меня в Магнитогорск на пятом году отроду. Строительство металлургического комбината лишь разворачивалось: рытье котлованов, прокладка железнодорожных путей, водо-

паро-, газопроводов, бетонирование, начальная кладка промышленных зданий и объектов, ацетиленовая и электрическая сварка, сооружение плотин... Мы поселились в бараке третьего участка, спроворенного на левом берегу Урала. С этого момента я долгое время пасся как на строительстве комбината, так и на самом комбинате. С 1943 года был помощником электрощитового доменной подстанции, а через год стал электрощитовым.

Приобщение мое к литературным занятиям происходило в эпоху постклассики, названной социалистическим реализмом, когда главными художественно-эстетическими мерилками была правда жизни, вмещающая в себя подлинное знание изображаемых сфер действительности, а также коммунистической идеологии, которую самые честные писатели не выпячивали – свято затрагивали, а то и избегали, предпочитая следовать духовности, достигнутой светской философией и верованиями основных религий мира. Понятно, у прозаиков, поэтов, драматургов из простонародья неотступным художественно-эстетическим русским мерилом была еще народность. Всего этого я и держался. Верно, крупно, незаемно. И у меня, кого бы я ни писал: рабочих, крестьян, интеллигентов и так далее – не было и не могло быть «петоперепетого», ибо я исповедовал завет дедушки Крылова – с ним я родился в одном отдельском городке казачьего Оренбургского войска – в Троицке («Лучше проквасить по-лягушечьи, но по-своему»).

Черная бездна наветов

Ориентируясь на неповторимость, я сохраняя индивидуальное письмо. И хотя мне удалось узнать наше общество во всем его многослойном состоянии, слой рабочего класса и часть его – горнозаводских рабочих-крестьян или крестьян-рабочих – самый мне родной, изображение и постижение которого было и остается для меня перво-степенной потребностью вне расчета и каких-либо вненравственных целей. Не было, между прочим, случая, чтобы кто-то из читателей и профессиональных критиков обвинил меня в повторности. За сим оговором беззастенчиво Ткаченко клеветает в мой адрес: «...он упрямо следовал убеждению, что в литературе более важно не писать, а уметь продвигать и устраивать написанное. В этом, как нам известно, он далеко не одинок, чему вряд ли следует удивляться: потоком шла так называемая секретарская, донельзя примитивная поэзия и проза». Перед этой, по отношению ко мне, тирадой, он заявлял, что я «крайне редко печатался в московских журналах и издательствах, ибо все им написанное было уж очень среднего уровня».

Из черной бездны своих наветов Ткаченко сразу вынул несколько обвинений, где и когда я высказывал убеждение, устно или письменно, будто бы в литературе более важно не писать, а уметь продвигать и устраивать написанное. Не было у меня и нет такого убеждения. Первенствовала и первенствует во мне стихийно-вдохновенное желание работать – так в Литературном институте определялось желание писать и под этим знаком оно продолжается в моей душе. Охоты устраивать-пристраивать свои вещи у меня никогда не возникло, я предлагал их журналам, издательствам, реже – газетам и сроду не занимался прошибаловкой.

Они отнюдь нередко шли или отвергались. Да если и не шли, то, как правило, по идеологическим причинам, остановленные либо в самих редакциях, либо цензурой. Ловить, останавливать, запрещать мои вещи редакции, цензура (при каждом журнале и издательстве, при каждой газете, даже малотиражной, были цензура или цензор) стали в самом начале первопутка ☹

Продолжение следует

> Между словом и делом может быть дистанция в целом поколение. Илья ШЕВЕЛЕВ